

ДУША КОЯНТО СМОТРИТ НА НАС...

(к 85-летию поэта)

Прошло несколько лет, как ушел к верхним людям Владимир Коянто, а облик его, манеры и даже голос стойко держатся в памяти – настолько он был самобытен. Ушла и его верная спутница жизни Фа (жена Фаина Николаевна). Без них Камчатка отменила 21 января 2018 года 85-летие поэта и прозаика, народного писателя Корякии Владимира Владимировича Коянто (Косыгина). Без них...

Душа Коянто была нараспашку. Он признавался, что каждое утро просыпается с радостью от того, что его ждут встречи с родной землей и её людьми. «Амто!» – произносил он приветствие по-корякски, и добавлял по-русски: «Моя Корякия!»

Это – утром, а днем и, особенно, вечером, Коянто частенько плакал. Плакал натурально, слезливо, как мальчишка. Это его душа болела за малую родину – неустроенную, нищую, забываемую чиновниками и разного рода начальством, которые были всего лишь временщиками на его родной земле.

О слезливости, тонкой организации души Коянто много пишет в своих дневниках Никита Михалков, который в компании Коянто, Зория Балаяна, Геннадия Лысякова и других путешествовал по Камчатке в 1972 году. Писал он и другое, например: «Рассказы Коянто о своем народе пронзительны». Или: «Косыгин вовсе разошелся и два часа читал мне свои дневники. Это хороший, трепетный мир, нежный и чистый...»

Нежный и чистый мир Коянто. Так оно и было. Однажды я встретился с Коянто в Ковране. Он был не один, а с целой бригадой агитаторов за кандидата в губернаторы Корякского округа Владимира Логинова. Они прилетели в Ковран из Тигиля на вертолете. А мы приехали из Усть-Хайрюзова на снегоходе «Буран» вслед за камчатской гонкой на собачьих упряжках «Берингия».

– О, амто! – раскинув руки, пошел на меня Коянто.

Я прыгнул с сиденья «Бурана», расправил занемевшие плечи, отрянул запорошенную снегом стылую одежду. Мы обнялись.

– Замерз? – участливо спросил веселый Коянто. – У нас есть, чем согреться. Пошли!

Так я сразу попал в круг счастливых от встреч людей. Сидели в учительской местной школы. В спортивном зале шел концерт, посвященный приходу упряжек «Берингии». В стенах пустых школьных коридоров громким эхом отдавались ритмичные стуки бубнов. Коянто, раскинув руки, пытался танцевать «Хололо». Потом сел рядом, обнял меня за плечи, жарко заговорил в самое ухо:

– Второй день летаем из села в село! Я счастлив! Спасибо Логинову за то, что взял в команду. Столько встреч, столько разговоров! Когда бы еще я так попутешествовал по любимой Корякии!

Чувствовалось, что в нем клокочет радость. Он счастлив, как влюблен-

ный мальчишка. И я подумал: а каким же он бывает счастливым, когда попадает в тундру к оленеводам или рыбакам, своим землякам-корякам.

Но я ошибся. Когда вышла его книга «Тумми» и я прочитал ее на одном дыхании, то увидел в ней портрет времени. А еще – ностальгию по Северу, которого уже нет, который остался в прошлом. И эту ностальгию писателю удалось очень точно выразить. Но еще я прочитал о том, что в ту памятную поездку по округу с агитационной командой за губернатора Логинова, Коянто, оказывается, вовсе не был счастливым. «Это была одна из самых тяжелых и горьких поездок по Родине, малой Родине», – признается он во вступлении к книге.

Почему? Или он забыл себя счастливым в те дни? Но я-то видел. И не только я. Конечно, мы встретились с ним в самые первые дни их поездки, когда они за день до этого вылетели из Паланы в Тигиль, а оттуда – в Ковран. Впечатлений еще не накопилось, встреч было недостаточно. А потом они насмотрелись такого...

«Что-то надорвалось в душе после этой поездки, – писал далее Коянто, – и плакал я, не скрывая слез, когда видел, как испуганно прячется старый коряк, неумытый, неухоженный, в старой деревянной квартире, в которой и печка – развалюха, и окна пленкой вместо стёкол завешаны, на печке кастрюля с навагой – единственная еда, которую он тоже добывает украдкой, потому что уже давно не хозяин на этой земле.

Я видел, как потускнели от слез глаза когда-то именитых оленных людей Гиданий Николая, Етыляна Михаила, Ольга Романа, Гигольтагина Николая, Акеева Яетлы и многих других.

– Куда мы идем, Коянто? – читал я в их глазах извечный вопрос и не мог ответить».

Он был совестью своего народа. Поэтому ему всегда было больно, по-

тому что больно его народу. А счастливым он тогда действительно был. Но не от встреч с родной, а только от встреч с нами, своими старыми русскими друзьями.

У Коянто душа никогда не была на месте, потому что при его жизни практически ничего не изменилось к лучшему в судьбе его земляков, да и всех северян. А он мечтал об этом и по мере собственных сил и возможностей старался улучшить жизнь в Корякии. Недаром был народным депутатом Верховного Совета СССР. Некоторые его выступления на сессиях помещены в книге «Мой XX век». Они яркие, на-

богатые, истинно писательские.

И жизнь его была яркой. Такие люди не забываются. «Вообще же, он, конечно, совершеннейший поэт! – писал Никита Михалков в дневнике. – При этом чаще всего даже не заботится о понятности того, что хочет выразить и что его волнует. Просто из него сразу вылетает какой-то яркий образ. Корявый, незаконченный, обрывочный, но образ! И дела нет, поймут его или нет».

И опять Н. Михалков: «Косыгин

он всегда гордился, как и вообще гордился членством в Союзе писателей СССР, затем – России.

Среди писателей у него было много друзей, особенно среди коренных северян. Рекомендации в Союз писателей ему давали Юрий Рытхэу и Антонина Кымытваль. Как-то, будучи в Палане, я пришел в гости к Владимиру Коянто. Мы пили чай с вареньем из северных ягод, и я спросил, кто из писателей у него бывал. Он заулыбался:

– Приезжали! За столом, где ты сейчас сидишь, многие сидели, мы так же разговаривали, так же Фа угощала нас чаем, а то и покрепче наливала. Теперь связи рвутся, теряются. Грустно. Я ездил делегатом на последний российский писательский съезд, на нем уже не встретил Рытхэу, не было Санги, а ведь он жил в Москве. Спрашиваю Айпина о них, а он отвечает, что звонил домой Санги, трубку взяла жена, сказала: «Сюда больше не звоните, он здесь не живет». Стало грустно, неудобно, я, как обычно, заплакал. Прилетаю домой, читаю в журнале, что Санги шаманит на родном Сахалине. А на столе Юрия Рытхэу лежит Библия, он в нее вчитывается. Почему, зачем? Да именно потому, что почва ушла, а нужна другая, вот и тянутся, ищут. Но, думаю, не найдут.

Болела душа у Коянто. О многом болела. Мечтал он и о преемнике. С грустью говорил:

– Сейчас некоторые пробуют, пишут, в том числе на родном языке, но дальше одного-двух рассказов не идут, издавать нечего. А время такое,

Писатели Владимир Коянто и Георгий Поротов

– тонкий, поэтичный человек, говорит умно и талантливо. Явный самородок».

Я не зря привожу цитаты из дневников Никиты Михалкова. Мы, жители Камчатки, помним Коянто, многие хорошо знали его, а Михалков – человек со стороны, но ведь разглядел поэта еще тогда, когда тому было только 40 лет, а самому Никите – немногим за двадцать. Но Владимир Коянто уже состоял в Союзе писателей, его приняли в 1971 году. Приняли единогласно при тайном голосовании, чем

что надо работать и работать, сидеть на месте нельзя, не догонишь, не запрыгнешь...

Так и ушел без преемника. Осиротела национальная литература Корякии, да и камчатская осиротела. И смотрит теперь на нас душа Владимира Коянто с неба. Смотрит и все понимает, потому что мудрый был человек Владимир Владимирович.

Александр Смышляев
Фото Валерия Кравченко